

1.

Однажды утром, когда в салоне «BeautyBoom» еще не было посетителей, раскрылись двери, и вместо обычных длинноногих герлс туда вошли двое — растерянный мужчина и девочка лет десяти, черноглазая и хмурая, будто ей предстоял бой не на жизнь, а на смерть.

— Привет! — сказал ей чернокожий парикмахер. — С чем пожаловали, леди?

— Аааа... Ээээ... — одновременно замычали мужчина с девочкой, и потом так же одновременно заговорили:

— Представляете, она хочет...

— Сделайте мне...

— Да не перебивай ты!..

— По очереди! — строго сказал парикмахер и подмигнул девочке.

— А вы сможете сделать мне вот такую прическу, да? — крикнула она, сунув парикмахеру куклу с разноцветными локонами — желтыми, красными, синими, зелеными. — Ведь сможете, да?

— Говорю тебе: детям такого не делают, — сказал мужчина (видно, это был ее папа). — Вот мы и зашли, чтобы мастер тебе сам сказал, раз ты мне не веришь.

Он выразительно посмотрел на парикмахера.

— У меня день рождения! — заявила девочка, упрямо сдвинув брови. — И раз мне подарили эту куклу Дороти, я хочу, чтобы у меня была такая же прическа!

— Почему ты думаешь, что одно следует из дру... — начал было папа и осекся, глядя на парикмахера.

Тот молчал. Потом сказал:

— Ну, раз день рождения... Ты уверена, что хочешь этого?

— Даааа! — запищала девочка.

— Как тебя зовут-то?

— Рэй.

— Рэй? Радуга... * Значит, это судьба. Извините, — сказал парикмахер папе. — Наверно, вы сделали ошибку, что зашли сюда. Теперь уже поздно. Садись, — он усадил пищущую Рэй в кресло.

---

*Рэй — сокращенно от Рэйчел. От этого имени можно образовать слово rainbow — радуга (прим. авт.)

— Но это... это же очень дорого, Рэй! — не унимался папа. — У меня нет столько денег!

— Это будет мой подарок, — сказал парикмахер. — Вы заплатите только за краски... хотя и это тоже будет мой подарок. Вы ни за что не заплатите. Я хозяин этого салона. Садись, Рэй...

Через полчаса ее волосы сверкали всеми цветами радуги, кричащими, как у тропических птиц или рыб. Папа закатывал глаза, а Рэй сияла ярче солнца в окне.

— Теперь тебе будет нелегко, — сказал ей парикмахер. — Ярким всегда нелегко.

— Та!... Все просто офигеют! — смеялась Рэй. — Спасибище вам вот такенное!

И она прижалась к нему, как к родному. Папа ревниво сморщился.

— На здоровье. Если что — приходи.

Она сверкнула самой яркой из своих улыбок и вылетела на улицу. За ней вышел бедный папа. Парикмахер долго смотрел им вслед.

2.

Через месяц с лишним Рэй снова была у него — без улыбок, с отросшими корнями и блеклыми, как у старой куклы, цветными прядями.

— А можно это смыть? — спросила она.

— Привет, Рэй! Рад тебя видеть, — сказал парикмахер. В салоне было много народу, играла громкая музыка, и ему приходилось почти кричать. — Пришла подкраситься?

— Ну... эээ...

— Давай рассказывай, что и как у тебя. Как народ реагирует?

Рэй смотрела на него, сжав губы. В динамиках надрывалась Шакира.

— Так, а пойдём-ка лучше воон туда. А то здесь шумновато, — парикмахер провел ее в соседнюю комнату и прикрыл дверь. Сразу стало тише.

— Ой. А что это здесь?

— VIP-зал. Для важных персон, вроде тебя. Так что, Рэй-Радуга? Красимся?

— Я не знаю... Меня все достали. Все меня гнобят — девчонки, пацаны, училки... Я так больше не могу.

— Говорил я тебе, что это трудно, а ты не верила. Понимаешь, Рэй...

— Что еще?

— Если ты покажешь, что пошла на поводу — тебя не перестанут гнобить. Будет только хуже.

— И что мне теперь делать?

— А вот если ты будешь гнуть свою линию — может, ты и победишь. Хотя не факт.

Рэй молчала, глядя прямо перед собой. Потом стала рассказывать, чем дальше, тем больше сбиваясь на всхлипывания; потом редела; потом слезы кончились, а слова еще нет, и она громоздила обиду за обидой перед парикмахером, молча слушавшим ее, пока, наконец, не закончились уже и слова, и переживания, и она растеклась обиженной лужей по креслу...

Через полчаса Рэй вышла из салона с лицом, красным от слез, и с сжатыми губами. Ее волосы снова сияли всеми красками джунглей — от кончиков до корней.

3.

Она ходила к мистеру Бумслэйву (так звали хозяина) каждый месяц. Тот красил ее, лечил шевелюру, уставшую от краски, и раз в 3 месяца отстригал от нее 10 отросших см. Рэй болтала с ним, как с подружкой, и папа, который иногда приходил с ней, делал Рэй замечания, что так со взрослыми нельзя.

Прошел год. Потом другой, третий...

Потом Рэй не было целых три месяца. Мистер Бумслэйв знал, почему это, но все равно ждал ее. И она пришла к нему — бледная, повзрослевшая сразу лет на пять, с темной головой и выцветшими локонами.

— Я не приходила, — сказала она, — потому что...

— Да, Рэй, я знаю. Я читал, — ответил мистер Бумслэйв. — Знаю, что слова тут лишние, но... мне очень жаль. Правда.

— Мама ненавидит меня. Говорит, если бы я сразу папу спасла, а не каких-то там девчонок...

— Она просто очень огорчена. Ты герой, Рэй. Ты спасла целых шесть жизней. Сам президент Соединенных Штатов вручил тебе медаль...

— Папа ушел в бар. Я не знала, где этот бар. Когда корабль тонул, там вообще все

перемешалось. Он бы и сам спасся, если б мог бы. Он плавает... плавал не хуже меня. Я ненавижу этих девчонок, которых спасла. Мама ненавидит меня, а я их. И себя тоже...

Рада не плакала, и мистер Бумслэйв не утешал ее.

— Будем краситься, как обычно? — спросил он. — Извини, что спрашиваю, но я парикмахер и всегда думаю о своем. Дурацкая привычка...

— Не знаю. Может, остричь все нафиг?

— Зачем, Рэй? У тебя же такие волосы...

— А... Мне все равно. Мне хочется, чтобы было хуже. И... как я буду щас ходить такая цветастая? Что мама подумает?

— Не знаю, что подумает мама, — сказал мистер Бумслэйв. — Знаю только, что ты не сделала ничего плохого, а наоборот, сделала очень-очень хорошее. Такое, что большинство людей за всю свою жизнь не делает. Поэтому ты достойна быть такой, какой хочешь быть сама. Хочешь подстричься — я тебя подстригу... но только, если ты сама этого хочешь.

Рэй долго думала, глядя в зеркало.

Через полчаса она вышла с шевелюрой, укороченной на обычные 10 см. Та снова сияла всеми красками джунглей — еще ярче, чем раньше, потому что поздняя осень оттеняла ее своей серостью.

С тех пор Рэй снова ходила к мистеру Бумслэйву — вначале каждый месяц, потом все чаще и чаще. Мистер Бумслэйв видел, как почтительно говорили с ней девчонки, иногда сопровождавшие Рэй.

— Представляете? Теперь у нас в школе эпидемия: все красятся в синий, зеленый и все такое. Училки все были в шоке, а потом миссис Грэхем сама пришла оранжевая! Но разноцветные только у меня.

— Раньше тебя травили, — говорил ей мистер Бумслэйв, — теперь тебе подражают. Ты победила, Рэй.

Чем дальше, тем больше их разговоры требовали уединения. Мистер Бумслэйв узнавал о новых мальчиках Рэй раньше самих мальчиков, а когда один из них возжелал секса — популярно объяснил Рэй, почему этого не стоит делать, и нетерпеливый избранник получил от ворот поворот. Мистер Бумслэйв уже называл мысленно VIP-зал «исповедальней», а себя — «падре Бумом».

— Я только с вами могу так побеседовать, — говорила Рэй. — Иногда мне кажется, что вы теперь как мой папа, хоть так нельзя говорить...

4.

Так прошло еще несколько лет. Как-то само собой, незаметно получилось так, что Рэй уже заканчивает младший колледж, и они с мистером Бумслэйвом обсуждают ее образ для выпускной вечеринки таскала с собой, и мистер Бумслэйв обнаружил, что кто-то сделал ей такую же стрижку. Однажды Рэй пришла сама не своя.

— Ну что? Ты была там? — спросил мистер Бумслэйв, откладывая газету. — Видела его? На газете был большой заголовок — «Человек, проживший 30 лет в джунглях, вернулся в родной город».

— Я не просто видела его. Я... Он...

Рэй плюхнулась в кресло и жалобно посмотрела на мистера Бумслэйва.

— Ну? Рассказывай уже!

— Я... Так получилось, что... в общем, я перепутала вход... там все загорожено было, ну, как

обычно, вы знаете... я еще туалет искала...

— Нашла?

— Да нет! Дайте сказать! Я... в общем, я влезла куда-то не туда, в подсобку какую-то... и тут дверь открывается, и выходит он. Симпатичный такой, небритый, как в кино... Выходит и смотрит на меня. И рот открыл. Я тогда еще не знала, что это он. Я ведь привыкла, что на меня пялятся, на мои волосы, и думала, что это поэтому, хоть так еще никто не...

Она закрыла лицо рукой. Сквозь пальцы светила улыбка.

— То есть ты, получается, была первой из наших, кто его увидел? Поздравляю!

— Ииииииы... — скулила Рэй. — Он на меня смотрит... и я тоже обалдела, что он на меня так... Говорю: все в порядке? А он: ты кто? Я обалдела еще больше... говорю — я Рэй. А он: женщина? Я: ну вообще-то да, хотя скорее девушка. А он: я еще никогда не видел женщин. Девушек.

— Ничего себе! Значит, это все-таки ты...

— Говорит: ты такая красивая. Я еще не видел ничего такого красивого, говорит. И, знаете, говорит не так, как все, а вот как-то просто, душевно... Как-то ему сразу веришь. Говорит: у тебя такие красивые волосы, как у птицы. У всех женщин такие волосы? Я говорю: нет, только у меня. Только у тебя? — спрашивает. Значит, ты самая красивая из всех женщин.

— И ты...

— Я не знала, что мне делать. Я будто в Дороти превратилась, и у меня отключили радиоуправление. Он подошел ко мне и взял за руки, за плечи... так просто взял, будто я и в самом деле его кукла. Говорит: у всех людей руки как руки, а у тебя все такое удивительно красивое... И я вижу, что он плачет.

— Да уж. История для девочек... Про вас везде пишут, — мистер Бумслэйв кивнул на газету. — «Хэм Прайд встретил на родине свою судьбу. Любовь с первого взгляда... « Только я не знал, что это ты, ведь не ты одна с цветными волосами...

— Что мне делать? А?

Рэй смотрела на мистера Бумслэйва, как на оракула. Тот вздохнул.

— Что я могу сказать тебе, Рэй? С двух лет он жил с отцом на своем острове. Потом отец умер, и тот жил один. В команде, которая привезла его, были одни мужики. И вот — ты. Если бы вместо тебя ему встретилась другая девушка...

— Нет! Это не так! Нет! — Рэй вскочила и убежала, хлопнув дверью.

5.

Она прибежала следующим утром.

Если вчера она приходила сама не своя, то теперь ее состояние и вовсе было трудно описать. Она вошла, шатаясь, и устала на мистера Бумслэйва сквозь блаженную улыбку, которой светилось ее лицо.

Тот вздохнул и сказал:

— Поздравляю.

— С чем? — набычилась Рэй.

— Как с чем? С тем, что у вас было этой ночью.

— А... откуда вы знаете?

— У тебя на лбу написано.

Рэй подбежала к зеркалу и долго смотрела туда. Потом засмеялась и закружилась по комнате.

— Я думала: рассказывать вам, не рассказывать... Решила, что не расскажу, но все равно прибежала! Мистер Бумслэйв! Я... я...

— Ты счастлива, да? — спросил тот, кладя руки ей на плечи.

— Да!

Она уткнулась в него. Он гладил ее своей черной рукой по цветной голове, а Рэй сопела ему в свитер. Потом начала бормотать — тихонько, ему даже было и не все слышно:

— Он так трогал меня... Представляете, что чувствует виолончель, когда на ней играет Ростропович? Каждый клочок моего тела чувствовал его восхищение... Мои руки, плечи, ноги — они действовали на него, как музыка, или картина, или не знаю что... Он плакал, когда трогал меня, плакал и улыбался. Я даже не знаю, приятно ли это было физически, потому что когда твое тело так обожают — каждая его клетка сочится блаженством, и ты как в раю... Он даже не знал, как все делать, и мне пришлось показать ему, хоть я тоже в первый раз... Так смешно... он не выдержал, когда... ну, когда пристраивался ко мне. И я вся была... пришлось вытираться...

— Ты кончила? — хрипло спросил мистер Бумслэйв.

— Я? Да, наверно... Он потом еще три раза... во мне. У нас все получилось!

— Очень стыдно было?

— Сначала да... я думала, что это очень трудно — снять трусы, и когда он смотрит там на тебя, и трогает... Он так обнимал меня! Меня никто никогда так не обнимал. И я сразу почувствовала, что трусы лишние, и вся одежда лишняя, и надо телом к телу, чтоб голое... Оно совсем не так все было, как пишут про это.

— Больно было?

— Ну... не знаю. Может быть... О Боже, я так счастлива! — смеялась Рэй в свитер мистеру Бумслэйву. Получалось фырканье, как у жеребенка. — Он старше меня на пятнадцать лет, но он как мальчик, для него все впервые... как для меня. И при этом он такой взрослый! Он может жить в джунглях, как Тарзан. Он умеет гипнотизировать собак... Иногда мне кажется, что он и меня загипнотизировал... или я его?

Парикмахер гладил ее, закусив губу.

6.

С тех пор он был в курсе всех ее интимных впечатлений. Они переполняли и жгли Рэй, она не могла держать их в себе, ей нужно было делиться ими — и она все более откровенно распахивала их перед мистером Бумслэйвом, исповедником ее тела. Он видел его только под одеждой, но ему уже казалось, что каждый его миллиметр знаком ему, как инвентарь салона BeautyBoom. Он наблюдал, как из девчонки, попробовавшей запретное, Рэй стремительно превращалась в женщину, бесстыдную в своем счастье.

— Сегодня я впервые сосала ему, — говорила Рэй, когда мистер Бумслэйв подкрашивал ей корни. — Глупенький, он удивился, что так можно... а как мы сегодня стонали, уууу! Почти плакали... Моя лесная образина, мой дикий нецелованный дрын... Он у него совсем небольшой, но дырявит до самого сердца. А говорят, что это так важно, чтобы большой был. Нифига это не важно, врут все! Я старалась горлом, как девчонки учили, но у меня фигово получилось, чуть не подавилась. А сперма похожа на чесночный соус! Я все проглотила!..

Иногда она спрашивала:

— Ничего, что я все это вам рассказываю? Мне жутко хочется рассказать, разрывает прямо... а кроме вас, никому.

И мистер Бумслэйв всякий раз говорил, скосив глаза, — «конечно, ничего. Ведь мы друзья», — а счастливая Рэй топала ножками и дергала его за свитер, как обезьянка.

— Никогда не думала, что попаду в публичные люди, — говорила она. — Как все эти звезды, которым желтая пресса перемывает кости. Теперь вот и нам с Хэмми тоже. Такое странное чувство иногда... что у нас в спальне камеры. Я и когда целуюсь с ним на улице — стараюсь, чтоб красиво было. А потом вижу фотку в газете и думаю — фигня, надо голову выше запрокинуть...

— Ооох, — ныла она после очередной бурной ночи. — Соски болят, будто у меня телята. Он и есть как теленок — высасывает прямо с нервами... и с душой. Тянет, тянет душу из соска, а я умираю. Так странно... там, между ног, мы... по-разному бывает: то мы целуемся там, так же, как губами, то... он терзает меня. Я так и представляю себе: что я лань, а он тигр — рвет меня на куски, отрывает клочья мяса... И я не знаю, что мне больше нравится — первое или второе...

— Так хочется, что он меня тоже целовал там, как я его, — говорила она, подставляя мистеру Бумслэйву свою цветную голову.

— Попроси его.

— Не могу. Стесняюсь... Странно так: вам не стесняюсь рассказывать, а его стесняюсь... Он же совсем дикий у меня. Он ничего не умеет... ну, в смысле, умеет выживать, следы понимать, защитить меня и все такое... а посуду — и то не умеет мыть.

Иногда Рэй не входила, а влетала в салон, как мотылек, закатывая свои черные глаза до потолка. Это означало, что мистеру Бумслэйву нужно было ожидать либо шокирующих откровений, либо душерадирующих жалоб. Время от времени то и другое соединялось вместе:

— Я видела, как он смотрел на нее... А потом долбил меня так, что я телепалась, как тряпка, в его руках, и вопила от кайфа, хоть и знала, что долбит-то он не меня, а ту, другую, которую увидел... Проворачивался во мне до самых мозгов, за обе сиськи сгреб, как за лямки... совсем озверел — по заднице, по заднице меня, с размаху так, и больно! А я от боли еще больше голову в подушки, и задницу еще сильнее выпячиваю кверху, чтобы он вдолбился туда весь, с потрохами, и чтобы она лопнула от его долбежки и от боли, и чтобы вся я лопнула, потому что я не могу больше так!..

7.

Потом Рэй снова перестала приходить.

Мистер Бумслэйв не искал ее, а просто ждал, как и раньше. Месяц, другой, третий...

Потом она все-таки пришла. Обросшая, с тусклыми прядями и глазами. Пришла и застыла на пороге.

— Что? — спросил мистер Бумслэйв. — Не идет?

Его волосы были раскрашены, как когда-то у Рэй, во все цвета радуги — желтый, красный, зеленый, синий.

— Эээ... Просто неожиданно очень.

Парикмахер отодвинул кресло, и Рэй села туда.

— Как обычно?

Она качнула головой, и мистер Бумслэйв замер на полдороги к краскам.

— Нет. Надоело. Давайте просто все налысо.

— Ты... уверена?

— Да, блядь. Уверена, ебанный в рот, — тихо сказала Рэй, и он молча взялся за машинку.

Когда последняя выцветшая прядь упала на пол, и мистер Бумслэйв вымазал щетинистый череп кремом, белоснежным, как сливки, облысевшая Рэй стала говорить:

— Он просто сказал, что ошибся. Сказал, что подумал, что я самая красивая из женщин, и не знал, что есть еще красивее. Для него все так просто. Он же не знал! А со мной, он сказал, может дружить, как с мужчиной. Потому что красивых женщин много, и он хочет всех их перепробовать. Он так и говорит, и ему хорошо, когда он так говорит. Столько радостей впереди!... Скажите, — она вывернулась из-под станка так, что мистер Бумслэйв чуть не оцарапал ее, и встала перед ним, выставившись напоказ, — вот скажите, чем я хуже их всех? Вот чем? Чем? — повторяла она, стягивая с себя тряпку за тряпкой, пока не осталась совсем голой.

Сисястая, узкобедрая Рэй с полосками крема на голове была похожа на куклу Долли, у которой выдрали волосы. Она выгнулась в откровенной позе, моргая, чтобы загнать слезы обратно.

На минуту или две воцарилась тишина. Потом Рэй опустила лысую голову, и разноцветный мистер Бумслэйв приблизился к ней.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но ничего не сказал, а просто нагнулся и поцеловал коричневыми губами сосок Рэй, твердый, как ягодка шиповника.

Рэй дернулась. Парикмахер поспешно выпрямился и обнял ее. Зажатая, как манекен, Рэй обмякла и прильнула к нему.

— Девочка моя, — бормотал он, поглаживая ее по голой спине. — Маленькая... Сядь в кресло. Он провел ее, и та уселась, как и была — голышом. Мистер Бумслэйв сделал еще два движения станком по ее черепу.

Потом стал гладить шею и плечи Рэй, целовать лысую мкушку, покусывать губами кончики ушей...

Рэй сопела, закрыв глаза. Решившись, мистер Бумслэйв рывком развернул к себе ее кресло.

— Ну пожалуйста, Рэй, — еле слышно бубнил он, будто боялся, что подслушают. —

Пожалуйста. Позволь мне, — и тянул ее за ноги, чтобы та раздвинула их и выпятила тайный уголок.

Рэй наконец поддалась ему, распластавшись в кресле, и тот стал перед ней на колени.

— Ыа! — выдохнула Рэй, когда парикмахер лизнул ее в щекотную середку. — Ы! Ы! — ныла она, наподдавая бедрами в лицо мистеру Бумслэйву, который всосался в ее щель, как пиявка. Его язык проникал через все ее тело насквозь к ноющим грудям, к соскам и щекотал их изнутри, наполняя невыносимой твердостью, сладостью и...

— Вэээээ!... — заголосила Рэй, терзая себе грудь. Мистер Бумслэйв встал и сгреб ее, кончающую, с кресла на пол, и там наконец сделал то, о чем мечтал все эти годы, и маленькая Рэй выла, насаженная на его черный дрын, длинный, как бивень единорога, и тарасила глаза оттого, что он проник туда, где еще никто никогда ее не трогал, и колотилась лысой головой об пол...

— Я спустил в тебя. Ничего? — спросил мистер Бумслэйв, когда все кончилось.

Рэй не ответила. Она лежала под ним голая, обмякшая, красная, будто ее только что сварили, и смотрела куда-то сквозь потолок. Потом застонала и жалобный посмотрела на него.

Мистер Бумслэйв сразу же сунул руку между ее ног, а другой смял грудь, как воздушный шарик. Благодарная Рэй снова орала — «гэааа!». Надрочив ее до свекольных щек, он снова вдолбил в хлюпающий бутон, въехав на Рэй в самый угол; его мошонка смачно шлепалась о

мокрое, издавая чавкающий звук, который ускорился вместе со криками Рэй, погибающей в новом оргазме. Она корячилась, впитывая жгучие капли, впрыснутые в нее мистером Бумслэйвом, и смотрела, как он продолжает колотиться в ней, выхолощенный до капли. Обжигающий ритм не отпускал ее, и Рэй снова рухнула в свой огненный рай...

***

— Почему вы не сделали этого раньше? Почему? — спрашивала она, глядя в зеркало на себя — лысую, ошалевшую, с натисканными сиськами и розовой, как у младенца, кожей. По ее ногам текли потоки спермы.

Потом мистер Бумслэйв влез в кресло, а она, так и не одевшись, — к нему на колени, и они долго, долго сидели так, пока не стемнело, и нужно было уходить, но они все не уходили, будто боялись отпустить этот день, и баловались — красили друг друга косметикой, лежащей на столе, лизались и просто шушукались, пока Рэй не уснула на мистере Бумслэйве, уткнув лысую голову ему в свитер.